

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ,
ЧАСТЬ XXVI

1910.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1910.

И. Ө. АННЕНСКІЙ.

(Некрологъ).

Родился въ 1855 году, для завершения домашняго образованія учился одинъ годъ въ гимназій, а затѣмъ на историко-филологическомъ факультетѣ Петербургскаго университета, который и окончилъ въ 1879 году со степенью кандидата. Преподавалъ русскій и греческій языки въ частной гимназій Я. Г. Гуревича и Еленинскомъ институтѣ, читалъ лекціи по исторіи русскаго языка на Бестужевскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. Былъ директоромъ Кіевской коллегіи Павла Галагана, 8-ой Петербургской гимназій и Царскосельской. Состоялъ лѣтъ 12 членомъ ученаго комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Послѣдніе годы былъ окружнымъ инспекторомъ въ Петербургскомъ учебномъ округѣ и осенью 1909 вышелъ въ отставку. Въ тотъ самый день, когда въ Правительственномъ Вѣстникѣ былъ напечатанъ Высочайшій приказъ объ отставкѣ, скоростипжно умеръ на Царскосельскомъ вокзалѣ, на пути въ засѣданіе общества классической филологіи, гдѣ долженъ былъ въ тотъ вечеръ читать докладъ объ Еврипидѣ.

I.

Вотъ фактическая канва біографіи умершаго 30-го ноября 1909 г. Иннокентія Өеодоровича Анненскаго, но въ ея сухія рамки не можетъ улечься богатая внутреннимъ содержаніемъ, яркая и своеобразная жизнь почившаго, основныя черты которой отражались на страницахъ не его казеннаго формуляра, а тѣхъ трудовъ его, надъ которыми онъ работалъ всю свою слишкомъ рано и совсѣмъ неожиданно перегорѣвшую жизнь.

На университетской скамьѣ онъ работалъ подъ руководствомъ

профессоровъ Минаева и Ламанскаго. О первомъ изъ нихъ онъ постоянно отзывался съ особымъ благоговѣніемъ, не переставая до послѣднихъ дней интересоваться успѣхами науки объ языкѣ. Лѣтъ пять тому назадъ онъ говорилъ своимъ друзьямъ о намѣреніи заняться обстоятельнымъ изученіемъ языка нашихъ народныхъ пѣсенъ и показывалъ внушительныя кипы собраннаго матеріала, но, кажется, изъ этихъ плановъ ничего не вышло, и единственной работой И. Ө. Анненскаго въ этой области, если не считать безчисленнаго множества рецензій на учебники по русскому языку, составляемыхъ имъ для ученаго комитета и появившихся долгіе годы чуть ли не въ каждомъ номерѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, является та статья, которой онъ еще въ 1883 г. выразилъ дань признательности другому своему университетскому наставнику, В. И. Ламанскому, помѣстивъ въ сборникѣ статей въ его честь небольшое, но содержательное изслѣдованіе: Изъ наблюдений надъ языкомъ и поэзіей русскаго Сѣвера (Сборникъ въ честь В. И. Ламанскаго. С.-Пб. 1883, стр. 196—211). Это рядъ замѣтокъ семасіологическаго и лексикографическаго характера, причемъ авторъ кое-гдѣ обращается къ наблюдениямъ надъ символикой нашей пѣсни въ духѣ извѣстныхъ изслѣдованій Потебни.

Но ни лингвиста, ни слависта изъ Анненскаго не вышло. Къ славянамъ онъ не питалъ ни литературнаго интереса, ни политическихъ симпатій, относясь къ нимъ болѣе чѣмъ равнодушно. Но зато лучшимъ и особенно близкимъ своему сердцу ученикомъ онъ постоянно называлъ такъ рано умершаго Усова, успѣвшаго только начать публикацію своихъ трудовъ по экспериментальной фонетикѣ.

За послѣднія двадцать пять лѣтъ классическая филологія замѣтно отодвинула въ сторону всѣ остальные интересы И. Ө. Анненскаго. Живымъ интересомъ къ наиболѣе сложнымъ ея областямъ вызвано появленіе хотя бы статьи: Изъ наблюдений надъ языкомъ Ликофрона, появившейся въ сборникѣ статей въ честь И. В. Помяловскаго (стр. 55—80).

Здѣсь разобрана сущность аллитераціи и даны длинныя списки случаевъ ея употребленія у Ликофрона. Никакихъ другихъ слѣдovъ изученія этого труднѣйшаго писателя И. Ө. Анненскій не обнаружилъ, видимо, только на время обратившись къ нему. Зато другого поэта Гредіи, Еврипида, онъ изучалъ непрерывно въ теченіе болѣе чѣмъ двухъ десятковъ лѣтъ, ни на одинъ день не откладывая его въ сторону. Недаромъ судьбѣ угодно было отозвать его въ лучшей

міръ среди мыслей о предстоящемъ докладѣ все про того же Еврипида. Какъ солдатъ на посту, нашъ переводчикъ Еврипида умеръ, не выпуская изъ рукъ своего завѣтнаго оружія.

Про изданные И. Θ. Анненскимъ переводы Еврипида я говорилъ сравнительно недавно на страницахъ этого журнала (1907, № 5, отдѣлъ критики, стр. 226—237). Поэтому не буду здѣсь ничего повторять изъ сказаннаго въ этой статьѣ, но зато приведу выдержки изъ статьи ученаго, мнѣніемъ котораго И. Θ. Анненскій всегда особенно дорожилъ и къ дружескимъ указаніямъ котораго всегда прислушивался съ особымъ вниманіемъ. Переведеннымъ И. Θ. Анненскимъ трагедіямъ Еврипида посвятилъ на страницахъ журнала „Переваль“ Θ. Ф. Зѣлинскій отдѣльную статью подъ заглавіемъ: „Еврипидъ въ переводѣ И. Θ. Анненскаго“ (1907, № 11, стр. 38—41 и № 12, стр. 40—46), въ которой между прочимъ говорить слѣдующее: „нашъ переводчикъ художникъ, да, но художникъ прихотливый и нетерпѣливый, повинующійся своему настроенію, творящій неравномѣрно, сообразно съ чередованіемъ прилива и отлива вдохновенія—и это чередованіе оставило свои слѣды на самомъ переводѣ. Кромѣ того, на немъ сказалось, думается мнѣ, также вліяніе одной иллюзіи, которой переводчики часто бываютъ подвержены: творя въ полномъ, интимнѣйшемъ знакомствѣ съ подлинникомъ, они бываютъ нерѣдко склонны допускать такіе обороты, которые именно при этомъ знакомствѣ непосредственно понятны и потому остаются темными для неподготовленнаго читателя. Есть затѣмъ и такія мѣста, относительно которыхъ критикъ, какъ филологъ, могъ бы поспорить съ переводчикомъ“. Обращаясь къ тѣмъ пояснительнымъ статьямъ, которыми И. Θ. Анненскій такъ любилъ сопровождать свои переводы и которыми онъ, замѣчу мимоходомъ, едва ли не напрасно дорожилъ сверхъ мѣры, изъ-за нихъ недостаточно заботливо относился къ основному дѣлу своей жизни: къ переводамъ и задерживая ихъ появленіе, тотъ же ученый говоритъ: „очень часто противорѣчія—психологическія и другія получаютъ вслѣдствіе того, что критикъ, сознательно или безсознательно, навязываетъ изслѣдуемому автору свою манеру мыслить и чувствовать, точно она—единственно возможная и допустимая“. Свой общій приговоръ Θ. Ф. Зѣлинскій даетъ въ такихъ словахъ: „И. Θ. Анненскій—вовсе не переводчикъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова, не толмачъ, старающійся только своими словами передать непонятную для его среды рѣчь подлинника. Еврипидъ для него часть его собственной жизни, существо, родственное ему самому

и притомъ родственное, какъ схожими, такъ и контрастирующими чертами своего естества. Его онъ воспринялъ, въ него онъ вчувствовался всею своей душою, и этого, усвоеннаго имъ Еврипида, онъ передаетъ своимъ читателямъ“. Кто близко зналъ почившаго, тотъ не можетъ не согласиться съ этимъ наблюденіемъ его ученаго друга.

Да, Еврипида онъ зналъ лучше, чѣмъ кто либо другой въ Россіи, и не только его текстъ, но и огромную литературу, ему посвященную, занимавшую не одинъ шкафъ въ его вмѣстительной и богатой библіотекѣ. Онъ велъ особую тетрадь, куда заносилъ заглавія работъ объ Еврипидѣ. Еще лѣтъ пять тому назадъ она состояла не изъ одной сотни страницъ. Узнавъ о появленіи интересной работы по Еврипиду, И. Ѳ. Анненскій не прежде успокаивался, чѣмъ доставалъ эту книгу, уходя цѣликомъ въ ея чтеніе. Такъ, я живо помню, съ какимъ жаромъ глоталъ онъ въ полномъ значеніи этого слова книгу Нестле, съ каждой страницей все меньше соглашаясь съ ея авторомъ. О ней онъ дѣлалъ докладъ въ обществѣ классической филологіи, оставшійся почему-то не напечатаннымъ. Больше всего его интересовалъ, какъ кажется, вопросъ о судьбѣ Еврипида у драматурговъ новой Европы, вопросъ, надъ которымъ при помощи однихъ только петербургскихъ библіотекъ работать почти-что невозможно, а за границей онъ не работалъ.

Изъ отдѣльныхъ работъ И. Ѳ. Анненскаго въ этомъ направленіи мнѣ извѣстна его статья: „Античный миѳъ въ современной французской поэзіи“, появившаяся первоначально на страницахъ журнала „Гермесъ“ (1908, № 7—10), но кромѣ того онъ любилъ въ комментаріи къ каждой пьесѣ Еврипида касаться этого вопроса, но дальше отрывочныхъ и совершенно случайныхъ сопоставленій дѣло не шло.

Изъ постоянныхъ занятій надъ Еврипидомъ выросла и публичная лекція „Античная трагедія“, прочитанная въ Петербургѣ постомъ 1902 г. при незаслуженно маломъ числѣ слушателей и появившаяся первоначально на страницахъ „Міра Божія“ за тотъ же годъ. Лекція эта очень красиво задумана и своеобразно построена. По ней раскидано множество тонкихъ замѣчаній и глубокихъ мыслей, предложень весьма всеобразный разборъ Эсхиловскаго „Прометей“, но цѣликомъ предметъ въ ней все-таки не охвачень, въ виду чрезмѣрной эскизности работы, при составленіи которой авторъ не принялъ во вниманіе всей литературы предмета и черезчуръ отдался во власть французскимъ ученымъ, напрасно не считаясь съ итогами наблюдений

хотя бы Эрвина Роде о сущности греческой трагедіи и особенностяхъ каждаго изъ трехъ ея великихъ представителей.

Кромѣ Еврипида, И. Θ. Анненскій много и усердно занимался Гомеромъ, что пригодилось ему для составленной по порученію Академіи Наукъ рецензіи на переводъ Илиады Минскаго. Работа эта осталась неопубликованной, а тамъ, по словамъ автора, былъ данъ имъ примѣрный переводъ цѣлага ряда отрывковъ изъ Илиады. Труды Эдуарда Мейера по исторіи Греціи очень интересовали И. Θ. Анненскаго. Его книги онъ перечитывалъ по нѣскольку разъ, и эти занятія пробудили въ немъ живой интересъ къ Геродоту, которымъ онъ много занимался въ 1902 и 1903 г. Появившаяся тогда же книга В. Клингера—о сказочныхъ мотивахъ у отца исторіи, еще болѣе подогрѣла этотъ интересъ, и одно время И. Θ. Анненскій часто говорилъ о намѣреніи засѣсть за специальную работу о приемахъ творчества Геродота, но не знаю, были ли у него даже черновые наброски этой работы. Въ то же самое время у него былъ планъ потягаться съ Владиміромъ Соловьевымъ на переводъ Платона: греческой философій И. Θ. Анненскій занимался давно, составивъ краткій, но очень содержательный очеркъ ея развитія въ предисловіи къ изданнымъ имъ выборкамъ изъ Воспоминаній Ксенофонта о Сократѣ, появившимся въ извѣстной серіи С. А. Манштейна и Л. А. Георгіевскаго. Но и изъ этого плана на счетъ перевода Платона ничего не вышло.

Всѣ эти неожиданно возникавшіе проекты задерживали хоть на время осуществленіе главной задачи—окончаніе перевода всѣхъ трагедій Еврипида, что и до сихъ поръ осталось неосуществленнымъ. Переведено было И. Θ. Анненскимъ гораздо больше тѣхъ пьесъ, которыя вошли въ первый томъ изданнаго имъ „Театра Еврипида“. Такъ, года три тому назадъ онъ высылалъ мнѣ въ рукописи отрывки изъ „Андромахи“ и „Елены“. Дней за десять до смерти И. Θ. Анненскій писалъ мнѣ, что появленіе второго тома не за горами: ему нужно было недѣли двѣ усидчивой работы надъ черновиками до завершенія всего труда, и онъ надѣялся, что на предстоящихъ Святкахъ ему удастся создать себѣ необходимое для такой работы уединеніе. Но судьбѣ угодно было обмануть его и на этотъ счетъ. Между тѣмъ окончаніе многолѣтнихъ трудовъ надъ Еврипидомъ должно было доставить неутомимому переводчику кой-что и кромѣ чувства нравственнаго удовлетворенія. Такъ мнѣ положительно извѣстно, что среди дѣятелей одного провинціального университета было рѣшено поднести И. Θ. Анненскому званіе доктора греческой словесности

honoris causa по завершении его трудовъ надъ Еврипидомъ. Думается мнѣ, что чести этой онъ вполне заслужилъ.

И. Ѳ. Анненскій постоянно мечталъ ввести Еврипида въ составъ текущаго репертуара нашей сцены, но и въ этомъ отношеніи его мечты сбылись только отчасти. Ему удалось видѣть на настоящей сценѣ только постановку своего перевода Ифигеніи въ Авлидѣ, сначала на сценѣ зала Павловой, а за послѣднюю осень своей жизни и на сценѣ казеннаго театра. Но И. Ѳ. Анненскій слишкомъ мало обладалъ свойствами, нужными для благополучнаго обращенія съ актерами и прочимъ театральнымъ людомъ: они не понимали его, а онъ не понималъ ихъ, и поэтому, если эти постановки и доставляли какую-нибудь радость переводчику, то только въ пору предварительныхъ переговоровъ и красивыхъ надеждъ, разочаровываться въ которыхъ ему было, конечно, тѣмъ больнѣе.

Работая надъ Еврипидомъ, И. Ѳ. Анненскій такъ сжился съ нимъ, что рискнулъ даже на воскрешеніе нѣкоторыхъ погибшихъ его пьесъ, и по немногимъ фрагментамъ написалъ три самостоятельныя пьесы: Меланиппа, Царь Иксіонъ и Лаодамія. О нихъ есть большія статьи въ „Филологическомъ Обзорѣннѣ“. На мой взглядъ самая удачная изъ нихъ—это Царь Иксіонъ, очень красивая по формѣ и глубокая по содержанію пьеса. Ея чуть было не поставили на сценѣ одного частнаго театра зимой 1903 года. Но самолюбивый и привыкшій ходить только по прямымъ путямъ, поэтъ не пожелалъ сдѣлать нѣсколькихъ обходныхъ шаговъ, и этого было достаточно, чтобы его красивая и очень благодарная пьеса такъ и не озарилась свѣтомъ рапы.

По римской словесности имъ напечатанъ, кажется, только разборъ перевода г. Порфирова одъ Горация, выполненный также по порученію Академіи Наукъ. Какъ все, что выходило изъ-подъ пера И. Ѳ. Анненскаго, и эта рецензія составлена и очень интересно и въ то же время очень неровно. Онъ любилъ сдавать свои работы съ еще не просохшими чернилами и самъ начиналъ вѣрить безусловно въ каждое слово, даже неожиданно сорвавшееся съ его пера. При такой манерѣ работать, у И. Ѳ. Анненскаго почти вездѣ есть страницы, которыя только портятъ дѣйствительно удачныя и важныя части работы. Такъ въ этомъ разборѣ (напечатанъ въ отчетѣ о XV присужденіи Пушкинскихъ премій 1904 г.) интересны замѣчанія объ *aequa mens* у Горация *Serm. II, 3* (стр. 35), о *parata* въ *Serm. I, 31* (стр. 33), о *socratica domus I, 29* (стр. 34) и т. д., но зато нѣсколько предложенныхъ рецензентомъ собственныхъ переводовъ „размѣромъ подлинника“ (I, 13,

III, 7, III, 26) такъ искусственны и не привычны по ритму и расположенію словъ, что, пожалуй, лучше было бы, если бы И. О. Анненскій воздержался отъ ихъ публикаціи. Въ этой рецензіи есть одно очень характерное замѣчаніе (стр. 3 отдѣльнаго оттиска): „древній лирикъ вообще мало поддается переводамъ, отъ добросовѣстнаго перевода чаще всего пахнетъ пылью, но при этомъ эллины все же намъ ближе римлянъ“. Въ этой мысли дана разгадка, почему самъ И. О. Анненскій гораздо меньше занимался римскими писателями.

II.

Многолѣтняя учебная дѣятельность И. О. Анненскаго оставила слѣды въ его педагогическихъ статьяхъ. Онѣ появлялись на страницахъ „Русской Школы“, съ основателемъ которой, покойнымъ Я. Г. Гуревичемъ, у него были хорошія личныя отношенія,—подробность, которая являлась всегдашнимъ условіемъ участія И. О. Анненскаго въ какомъ либо журналѣ: у людей, далекихъ его сердцу, онъ не любилъ печататься. Мнѣ удалось разыскать слѣдующія статьи этого рода: Образовательное значеніе роднаго языка (1890 г. № 2, 21—44) и Педагогическія письма (1892 г. № 7—8, стр. 146—167, № 11, 66—86; 1895 г. № 2, стр. 87—103). Первое изъ этихъ писемъ посвящено вопросу о языкахъ въ средней школѣ. Главная мысль письма выражена въ словахъ: „одно изученіе языка открываетъ человѣку міръ данной поэзіи. Знакомиться съ поэзіей по переводамъ—это то же, что знакомиться съ перлами искусства по иллюстраціямъ дешевыхъ журналовъ“ — мысль едва ли не неожиданная въ устахъ человѣка, всю свою жизнь отдавашаго именно дѣлу переводчика. По своей манерѣ статья эта ближе всего напоминаетъ извѣстныя лекціи проф. О. Ф. Зѣлинскаго „Древній міръ и мы“. Второе письмо посвящено вопросу объ эстетическомъ элементѣ въ образованіи, третье—значенію письменныхъ работъ. Эти письма такъ свѣжи и оригинальны по содержанию и такъ цѣнны по тонкости основанныхъ на личномъ опытѣ наблюденій автора, что ихъ изданіе отдѣльной брошюрой сослужило бы, думается, хорошую службу обогащенію нашей педагогической литературы.

На страницахъ того же самаго журнала печаталъ И. О. Анненскій и свои статьи по русской словесности. Открывается ихъ серія статьями о „формахъ фантастическаго у Гоголя“ (1890 г. № 10, 93—104), впоследствии здѣсь же писалъ онъ о Лермонтовѣ и снова о Гоголѣ. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ издалъ по критикѣ русскихъ

классиковъ отдѣльную книжку подѣ необычнымъ заглавіемъ: Книга отраженій. Сюда вошли статьи: проблема Гоголевскаго юмора. Достоевскій до катастрофы. Умиравшій Тургеневъ. Три соціальныхъ драмы. Драма настроеній (т. е. *Три сестры* Чехова) и Бальмонтъ—лирикъ. (С.-Пб., 1906 г. 213 стр.). Не берусь судить объ этой работѣ цѣликомъ. Но замѣчанія И. Ѳ. Анненскаго о *Горькой судьбинѣ* Писемскаго, на мой взглядъ, пожалуй, лучшее изъ всего, что писано про эту пьесу. Зато значеніе Горьковскаго *На днѣ* критикъ преувеличилъ до чрезвычайности, быть можетъ, потому, что, по собственному признанію въ первыхъ же строкахъ статьи, онъ не видалъ ея на сценѣ. Это вообще очень характерная подробность, что драматургъ И. Ѳ. Анненскій и переводчикъ величайшаго изъ античныхъ мастеровъ театра, театра не любилъ, годами въ немъ не показывался и пьесы любилъ читать, но не смотрѣть. Убѣжденъ, что эта особенность вкусовъ и отразилась на переводахъ И. Ѳ. Анненскаго, заставила его напрасно уступить мѣсто на нашей сценѣ переводамъ Д. С. Мережковскаго и не привела на сцену его собственныхъ пьесъ. Театральный человекъ этого добился бы непременно.

Очень интересна статья о Бальмонтѣ. Его онъ считаетъ „лучшимъ представителемъ новой поэзіи“ (стр. 213). Этотъ докладъ въ Петербургскомъ нефилологическомъ обществѣ въ свое время надѣлалъ много шума и необычностью своихъ сужденій и, пожалуй, еще болѣе необычностью своихъ приемовъ. Теперь, перебирая для этого печальнаго наброска всѣ подаренные мнѣ авторомъ оттиски его статей, я неожиданно нахожу какую-то внутреннюю связь этого этюда о современнѣйшемъ изъ современниковъ съ ученой статьей о Ликофронѣ, и начинаю вѣрить возможности, что И. Ѳ. Анненскій подходилъ къ Ликофрону съ чувствами и запросами, возбужденными стихами Бальмонта, а Бальмонта цѣнилъ за то, что гораздо болѣе было по сердцу древнимъ схолиастамъ, чѣмъ намъ.

Въ самый годъ своей смерти И. Ѳ. Анненскій издалъ вторую книгу отраженій (С.-Пб. 1909). Здѣсь находимъ такія главы: Изнанка поэзіи, Мечтатель и избранникъ, Символы красоты у русскихъ писателей, Юморъ Лермонтова, Бѣлый экстазъ, Гуда, новый символъ, Гейне привоканный (эта статья подѣ заглавіемъ: Гейне и его романцеры раньше появилась въ журналѣ „Переваль“ 1907 г. № 4, 27—34, гдѣ И. Ѳ. Анненскій много печаталъ и стиховъ и критическихъ замѣтокъ), Проблема Гамлета, Брандъ—Ибсенъ, Искусство мысли. Въ предисловіи авторъ пишетъ, что эта книга „не только одно со мною,

но и одно въ себѣ. Мои отраженія оцѣнила, нѣтъ, даже раньше ихъ вызвала моя давняя тревога. И всѣ ихъ проникаетъ проблема творчества, одно волненіе, съ которымъ я, подобно вамъ, ищу оправданія жизни“. Кончается книга графическимъ изображеніемъ расположенія отдѣльныхъ чертъ въ характерѣ Раскольникова.

Отказываюсь судить эти очень горячія, очень искреннія, но и очень мудренныя статьи. Въ нихъ все причудливо, все изысканно, все необычно и все случайно, со всякой ихъ мыслью не трудно пустить въ споръ сотню совершенно противоположныхъ строкъ. Когда я читалъ впервые эту книгу, я испытывалъ только одно чувство скорби о больной, чѣмъ-то неизлѣчимо надорванной, судорожно мятущейся душѣ, которая вылилась въ ея каждой страницѣ. Моя скорбь была тѣмъ сильнѣе, что частныя письма И. Θ. Анненскаго эту же самую тревогу, не думаю, чтобы эстетическаго происхожденія, обнажали еще ярче, еще болѣзненнѣе. 30-е ноября поставило свою страшную точку.

Каждая статья этой книги показывала, что И. Θ. Анненскій все сильнѣе уходитъ во власть модернистическихъ теченій нашей литературы. Участіе въ новорожденномъ „Аполлонѣ“ обнаружило это еще ярче. Свою связь съ этимъ направлениемъ И. Θ. Анненскій выдалъ еще въ 1904 году изданіемъ сборника стиховъ подъ заглавіемъ „Тихія пѣсни“. Здѣсь были и оригинальныя пьесы и переводы изъ Сюлли Прюдома, Стефана Малларме, Поля Верлена, Ш. Бодлера, Леконта де Лиля, М. Роллана и Гейне, Лонгфелло, Т. Корбьера, А. Рембо и, какъ это ни неожиданно,... изъ Горація.

Своимъ отзывомъ объ этихъ стихахъ я могъ бы обнаружить только никому не интересное свое личное отношеніе къ этой школѣ поэзіи. Поэтому ограничусь только выпиской изъ некролога И. Θ. Анненскаго, принадлежащаго перу самаго современнаго изъ современныхъ критиковъ-модернъ К. Чуковского, помянувшаго И. Θ. Анненскаго очень тепло и сочувственно на страницахъ „Утра Россіи“ (№ 47). „Его стихи—онъ писалъ ихъ слишкомъ, пожалуй, много во всѣхъ стиляхъ, то „подъ Роберта Броунинга“, то „подъ Бодлера“,—часто бывали прекрасны, но всегда внѣшней, неглубокой, не патетической, немного формальной красотой“.

Пусть такъ. Кому не нравятся ни „Тихія пѣсни“ ни объ Книги отраженій, тотъ легко сможетъ заставить ихъ на полкахъ своей библиотеки томомъ Театра Еврипида и кинои оттисковъ хотя бы „Педагогическихъ писемъ“. Эти работы постоятъ за себя сами.

III.

Такія работы въ такомъ необычномъ и почти всегда неожиданномъ подборѣ темъ и интересовъ могъ оставить послѣ себя только необычный, совсѣмъ не похожій на другихъ человѣкъ. Что общаго между Еврипидомъ и Іудой Леонида Андреева, Ликофрономъ и Кларой Милитчъ, благоговѣніемъ передъ Бальмонтомъ и статьей о значеніи письменныхъ работъ въ средней школѣ? Мы не привыкли встрѣчать ту же самую подпись подъ статьями съ настолько друга друга эстетовъ, какъ уповательно декламировалъ И. Ѳ. Анненскій свои переводы изъ Верлена и Стефана Малларме, тотъ едва ли вѣрилъ, что онъ же утромъ училъ третьеклассниковъ сокращенію придаточныхъ предложеній и по обязанностямъ службы рецензировалъ учебники русской грамматики. Можно съ увѣренностью сказать, что очень немного директоровъ гимназій и окружныхъ инспекторовъ занимается у насъ переводомъ новомодныхъ поэтовъ и сочиненіемъ пьесъ въ стихахъ. Поэтому такія занятія и интересы рѣзко обособляли Иннокентія Федоровича, дѣлая его непохожимъ на громадное большинство людей одинаковаго съ нимъ общественнаго и служебнаго положенія. Его интересовъ и занятій легко хватило бы для того, чтобы безъ остатка заполнить внутренній міръ нѣсколькихъ людей, и эта довольно прихотливая смѣсь совсѣмъ не подходящихъ и не вытекавшихъ другъ изъ друга духовныхъ запросовъ обнаруживаетъ прежде всего необычайное, если такъ можно выразиться, духовное гостепрѣимство почившаго: въ его умѣ и душѣ былъ открытъ одинаково широкій доступъ и для Ликофрона и для Гаршина, для вопросовъ педагогической практики и особенностей техники произведеній Рембо и Рашильдъ, точно такъ же, какъ въ своемъ домѣ онъ съ одинаково искреннимъ радушіемъ встрѣчалъ и критика самаго радикальнаго журнала и ближайшаго друга покойнаго Грингмута: въ каждомъ изъ нихъ онъ умѣлъ находить одинаково интересный для себя и безусловно для себя попятный уголочекъ души. Но, быть можетъ, они оба въ цѣломъ оставались въ то же самое время одинаково для него чуждыми?

Сдается мнѣ, что и въ области духовныхъ интересовъ, при всей поразительности ихъ сложности и разнообразія, онъ теже никогда не находилъ такого уголка, который бы его поглотилъ цѣликомъ. Уже самый ходъ его біографіи показываетъ, что педагогическая дѣятельность его не удовлетворяла и онъ рвался и въ сторону науки и въ

сторону поэзіи. Сравнительное языкознаніе его не насытило, и онъ ушелъ къ Еврипиду. Но если бы здѣсь онъ нашелъ наконецъ свое настоящее дѣло, развѣ сталъ бы онъ тормозить переводъ Еврипида работой надъ Книгами отраженій и Тихими пѣснями? Къ тому же не надо забывать, что занимался онъ гораздо большимъ числомъ отраслей знанія, чѣмъ тѣ, по которымъ писалъ статьи. Одно время его страшно увлекала исторія искусства, и онъ всѣмъ и каждому восхвалялъ книги Мутера, тогда еще совсѣмъ неизвѣстныя у насъ въ Россіи. Потомъ его увлекла музыка, и пропускъ концерта Никиша былъ для него очень серьезнымъ лишеніемъ. И въ итогѣ у меня появляется подозрѣніе: не потому ли такъ легко и свободно переходилъ И. Θ. Анненскій изъ одной области въ другую, что ни въ одной изъ нихъ онъ не чувствовалъ себя дома, не находилъ уюта родного уголка?

Точно также мнѣ приходилось видѣть И. Θ. Анненскаго въ самой различной обстановкѣ. И среди класса, куда онъ приходилъ провѣрять мои уроки, и въ засѣданіяхъ педагогическаго совѣта, и на собраніяхъ филологическаго общества, и на репетиціи его пьесъ, и въ дружеской компаніи литераторовъ. И нигдѣ онъ не сливался съ остальнымъ фономъ, не давалъ чувствовать, что это его настоящая, родная ему среда. Вездѣ онъ оставался слишкомъ самъ собою, слишкомъ непохожимъ и поэтому слишкомъ одинокимъ. Одиночество это распространялось гораздо дальше, выходя за предѣлы окружающей среды. Я не имѣю никакого понятія объ условіяхъ воспитанія И. Θ. Анненскаго, но выросъ онъ совсѣмъ не подходящимъ къ укладу русской жизни; особенности нашего общежитія, ходовыя понятія русскаго общества были чужды ему совершенно. Не разъ говорилъ онъ о томъ, сколько бы онъ наработалъ, если бы судьба позволила ему хоть годъ прожить въ Парижѣ. Вотъ гдѣ чувствовалъ онъ для себя родную почву. Любимымъ его журналомъ былъ *Mercure de France*, и какъ ни любилъ онъ Пушкина, а все-таки французы были ближе его душѣ, и пьесы свои онъ писалъ для французскихъ актеровъ, точно такъ же, какъ его своеобразная манера декламации больше всего напоминала читку Муне Сюлли въ „Сидѣ“. Понятно, что съ такими вкусами трудно было покойному проходить свой жизненный путь одинокимъ, не понимающимъ среду и поэтому и ею не понятымъ. Особенно трудно было ему нести свои педагогическія обязанности. Какъ самолюбивый человѣкъ, онъ рѣдко жаловался вслухъ на эту тяготу, но внимательный наблюдатель чувствовалъ ее сразу. Искренно хотѣлъ онъ быть настоящимъ педагогомъ, по настоящему вести свою школу, но духовная

пропастъ, лежавшая между нимъ и его сотрудниками-учителями, учениками и ихъ родителями, создавала большія неудобства для обѣихъ сторонъ.

Монтанъ любилъ предостерегать отъ оцѣнки личности по ея общественному положенію, напоминая, что „постаментъ вовсе еще не есть статуя“. Вся трагедія жизни И. О. Анненскаго была создана тѣмъ, что его статуя судьба поставила на совершенно чуждый и неподходящій пьедесталь, и это помѣшало ему оставить послѣ себя то, ожидать чего мы могли, зная его большой умъ, незаурядный талантъ, богатые знанія и чудную по своему рѣдкому благородству и по удивительной отзывчивости на все прекрасное душу.

Б. Варнеке.
